
ЕВГЕНИЯ ЗИМИНА
МАРИСА БЕЛЬ
ТРАВНИЦА
КЛАНА ЧЁРНЫХ ВОЛКОВ

Евгения Зимина
Мариса Бель

Травница клана черных волков

https://litres.ru/74212214

Аннотация

Он — страж закона. Она — живая тайна. Киран Мунстоун привык доверять только фактам и силе. Появление хрупкой странницы с опасными знаниями нарушает покой его клана. Он клянется раскрыть ее секреты, не ожидая, что исцелять его раны будет ее нежная рука. Чтобы спасти друг друга, им предстоит выбрать между долгом и желанием, правдой и предательством.

Дисклеймер и плашка за упоминание ядов

Содержание

Часть 1. Чужая среди волков Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 29
Глава 6 32
Глава 7 37
Глава 8 42
Глава 9 48
Глава 10 53
Глава 11 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Часть 1. Чужая среди волков Глава 1

Часть 1. Чужая среди волков

Глава 1

Он — страж закона. Она — живая тайна.

Киран Мунстоун привык доверять только фактам и силе. Появление хрупкой странницы с опасными знаниями нарушает покой его клана. Он клянется раскрыть ее секреты, не ожидая, что исцелять его раны будет ее нежная рука. Чтобы спасти друг друга, им предстоит выбрать между долгом и желанием, правдой и предательством.

Холодный осенний ветер гудел в оголенных ветвях дубов, словно предвещая беду. Он рвал и метал последние пожухлые листья под ноги Кэлин, цеплялся за ее потрепанное платье из грубой шерсти, пробираясь ледяными пальцами под платок, стянутый на светлых волосах. Она шла, почти не видя пути, движимая лишь слепым животным инстинктом, подальше от границы, глубже в лес.

В животе сосало от голода. Ноги, обутые в стоптанные башмаки, ныли от усталости и ссадин. Два года жизни в

землянке на окраине цивилизации не прошли даром, ее высокая, всегда худая фигура стала совсем угловатой, тенью, мелькающей между деревьев. Но худшей была усталость души. Постоянный страх, преследовавший ее все эти месяцы, наконец материализовался в лице любопытного торговца, и теперь гнал ее вперед.

Род Ниам был не самым могущественным в королевстве Дракония, но одним из самых древних и уважаемых. Их магия была не в огненных шарах или призывах молний, а в тихой, глубокой связи с природой. Они слышали песню корней, понимали язык растений и умели варить зелья, способные исцелить любую рану или, при необходимости, усыпить целый отряд стражников. Их дар передавался строго по женской линии.

Кэлин росла в родовом поместье, утопающем в садах, где знала каждое растение. Ее мать, Аэлин Ниам, была советницей короля по вопросам целительства и ботаники. Детство Кэлин было счастливым и защищенным, пока на трон не взошел новый правитель — молодой, амбициозный и параноидально боявшийся любого, кто мог представлять хоть малейшую угрозу его власти. Ведьмы, даже мирные травницы, стали для него воплощением этой угрозы.

Начались гонения. Сначала повышенные налоги, потом запреты на практику, затем обыски и аресты по надуманным обвинениям. Роду Ниам приказали явиться ко двору и принести «Клятву Повиновения», которая заключалась в

добровольном отказе от своего дара под действием магического эликсира. По сути, это было отречение от магии.

Семья Кэлин решила бежать. Но их планы раскрылись. В ночь побега в поместье ворвались королевские инквизиторы. Отец Кэлин, простой человек, без магии, задержал стражу у входа, крикнув дочери и жене бежать. Больше она его не видела. Они с матерью бежали через потайные ходы в саду, но их настигли. Аэлин Ниам, чтобы дать дочери время, остановилась и вступила в бой, используя все свои знания, превратив безобидные декоративные плющи в хваткие удавки, а ядовитые споры цветов в слепящее облако.

Кэлин, обливаясь слезами, бежала, слыша за спиной крики и звон стали. Она последний раз видела свою мать, озаренную вспышками чужой боевой магии. Ей удалось скрыться только потому, что мать пожертвовала собой. С собой у нее был только маленький мешочек с семенами редких растений, фамильный амулет, спрятанный под платьем, и выжженная страхом память.

Два года она скрывалась в приграничных лесах, на самой окраине Валории. Она не смела углубляться на территорию оборотней, наслушавшись страшных историй о их дикости. Она жила в землянке, питалась тем, что найдет, и помогала жителям ближайших человеческих деревень, меняя зелья и отвары на еду и одежду. Она была всего лишь «странной, но умелой травницей Кэлин». Фамилию Подсолнух она выбрала сама, глядя на цветы, всегда поворачивающиеся к

солнцу, символ надежды, которой ей так не хватало.

Но несколько недель назад в деревню прибыл странный торговец. Он задавал слишком много вопросов о местной знахарке, о ее методах лечения. Он внимательно разглядывал высушенные травы, которые она продавала на рынке, и его глаза загорелись странным огнем, когда он увидел специфический способ плетения травяных связок, фирменный знак рода Ниам. Кэлин почуяла опасность, ту самую, что спасла ей жизнь когда-то. Она поняла, что это не торговец, а лазутчик, охотник за головами, выследивший ее. У нее не было времени собирать вещи. Той же ночью, бросив почти все свое скромное имущество, она углубилась в темный, непроходимый лес, на территорию клана Черных Волков, надеясь, что слухи о свирепости оборотней отпугнут преследователей. Голод и холод были меньшим злом, чем темницы Драконии.

«Еще немного, — бормотала она себе под нос, сжимая в кулаке маленький складной нож, — просто надо найти воду, укрытие...»

Ее голубые глаза, обычно ясные и внимательные, сейчас были мутными от слез и бессонницы. Длинные волнистые волосы, некогда гордость матери, теперь были спутаны и тусклы, собранные в тугой узел, чтобы не мешать. Она была похожа на затравленного зверька, зашедшего на чужую, опасную территорию.

Воздух изменился. Пахнувший прелой листвой и влажной землей ветер донес новый, резкий запах, медный, звериный, дикий. Кэлин замерла, прислонившись к шершавому стволу сосны. Сердце заколотилось. Она знала этот запах. Оборотни.

Где-то совсем близко хрустнула ветка. Не случайно, а тяжело, с размаху. Потом еще, и еще. Ее обошли. Охотились.

Адреналин ударил в голову, проясняя сознание. Страх не ушел, но она огляделась, ища пути отхода. Рука сама потянулась к поясному мешочку, где среди прочей рухляди лежали несколько тщательно высушенных стручков огненной мяты и горсть ослепляющего перца.

Из-за зарослей папоротника, в двадцати шагах от нее, показался первый зверь. Это был не человек и не волк, а нечто среднее, существо на двух ногах, покрытое темной шерстью, с вытянутой волчьей мордой, полной длинных клыков, и горящими желтыми глазами. За ним вышли еще двое. Они двигались неспешно, уверенно, загоняя ее в полукруг.

Кэлин отступила, спина ее уперлась в дерево. Пути к отступлению не было.

— Чужая, — прорычал один из них, и его голос был низким, хриплым, едва ли человеческим. — Ты на землях клана Черных Волков. Какие у тебя намерения?

Она попыталась ответить, но горло пересохло. Она лишь беззвучно пошевелила губами.

Вожак сделал шаг вперед, обнажая клыки в подобии улыб-

ки.

— Безмолвная добыча. Моя любимая.

Она испуганно перевела взгляд с него на других. Они не стали бы ее слушать, даже если бы она смогла произнести хоть слово. Они видели в ней нарушителя границ, дичь. Оборотни не переходят границ, если не готовы к стычкам.

Вожак сделал рывок. В одно мгновение его когтистая лапа уже была в сантиметре от ее лица.

И сработал инстинкт, выдрессированный годами учебы и горьким опытом побега. Рука Кэлин метнулась в мешочек и вышла оттуда, сжатая в кулак. Резким движением, как когда-то учила мать, она швырнула горсть мелкого перца прямо в глаза нападающему.

Раздался дикий, яростный рев. Оборотень отпрянул, ослепленный, растирая морду лапами. Его спутники на мгновение опешили.

Этой секунды ей хватило. Она рванулась в сторону, в просвет между деревьями, туда, где слышался шум воды. Бежать было бесполезно, они догонят. Но вода могла помочь — снести запах, дать укрытие.

— Держи её — проревел кто-то сзади.

Она слышала шум погони за спиной, но не оборачивалась. Добежала до ручья, неширокого, но быстрого, с каменистыми берегами. Кэлин, не раздумывая, прыгнула в ледяную воду, по колено, стараясь идти против течения, чтобы сбить след.

Но они были уже тут. Другой оборотень, поменьше, прыгнул с берега, преграждая ей путь. Его глаза хищно светились.

И тут из глубины леса, оттуда, откуда его не ждали, раздался новый голос. Тихий, низкий, но полный такой непререкаемой власти, что даже яростно рычащий ослепленный вожак на мгновение затих.

— Что здесь происходит?

Кэлин подняла глаза. На противоположном берегу, словно возникнув из самой тени, стоял человек. Высокий, в кожаной куртке, с темными волосами до плеч, развевающимися на ветру. Он не был оборотнем в звериной форме, но в его осанке, в том, как он держался, чувствовалась та же дикая, хищная сила. Его черные глаза, холодные и пронзительные, оценивающе скользнули по ослепленному воину, по его растерянным товарищам, и наконец уперлись в нее. В ее промокшее, дрожащее платье, в бледное, испуганное лицо, в руку, все еще сжатую в кулаке, откуда сыпались остатки перца.

— Капитан Мунстоун! — один из оборотней вытянулся по струнке. — Мы нашли нарушителя. Она атаковала Крога!

Человек, которого назвали капитаном, медленно сошел к воде. Его шаги были бесшумными, несмотря на сапоги. Он не сводил с Кэлин своего пронзительного взгляда.

— Я вижу, — произнес он, и его голос был гладким, как обкатанный рекой камень, и таким же холодным. — И что же она использовала? Магию?

— Какую-то дрянь, капитан! Порошок!

Кэлин замерла. Его взгляд был умным, слишком умным. Он видел не просто испуганную девушку. Он мог заподозрить, что она владеет опасными знаниями или навыками.

Мунстоун перевел взгляд на ее руку.

— Разожми кулак, — приказал он без повышения тона, но так, что дрожь пробежала по ее спине.

Она медленно, будто против воли, разжала пальцы. На влажной от пота ладони лежали несколько смятых стручков и семян.

Он наклонился, взяв один из них, растер между пальцами, поднес к носу. Его ноздри дрогнули.

— Огненная мята. Ослепляющий перец. Никакой магии. Просто травка, — он выпрямился и бросил стебель в воду. — Но очень... специфические знания для простой беженки. Как тебя зовут?

— К-Кэлин, — выдохнула она, все еще не в силах совладать с дрожью. — Кэлин Подсолнух.

Черные глаза сузились. Он уловил малейшую заминку перед фамилией.

— Подсолнух? — он произнес это слово с легкой, язвительной усмешкой. — Никогда не слышал о такой.

Он сделал шаг через ручей, оказавшись прямо перед ней. Он был на голову выше, и ей пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. От него пахло хвоей.

— Я, Киран Мунстоун, главный по безопасности этих земель. А ты, Кэлин Подсолнух, — его взгляд скользнул по ее

тощей, промокшей фигуре, — мой пленник. Ты идешь со мной к альфе. И по дороге ты очень подробно расскажешь мне, откуда у безобидной цветочницы военные познания в травах. — Он наклонился чуть ближе, и его следующая фраза прозвучала почти как шепот, предназначенный только для нее: — И свою настоящую историю. Понятно?

Кэлин ничего не ответила. Она лишь кивнула, чувствуя, как последние силы покидают ее. Бегство окончено. Её пленили. И самые большие опасности, как она с ужасом понимала, глядя в его черные, бездонные глаза, ждали ее не в лесу, а среди недоверчивых людей-волков.

Добро пожаловать в новинку!

Глава 2

Сквозь пелену изнеможения и страха Кэлин смутно воспринимала дорогу. Ее вели не заботясь, поспевает ли она за быстрым шагом оборотней, устала ли. Киран Мунстоун шел впереди, его прямая и неприступная спина была для нее единственным ориентиром. За спиной она чувствовала на себе жгучий взгляд воинов, особенно того, кому она плеснула перцем в глаза. Он время от времени рычал, и от этого звука она невольно вздрагивала.

Они миновали частокол, затем прошли через ворота в обширный призамковый двор, в котором кипела жизнь. Запах изменился: теперь это был аромат копченого мяса, свежеиспеченного хлеба, лошадиного пота и влажного камня. Оборотни останавливали свои занятия, чтобы уставиться на процессию. Женщины замирали с корзинами белья, дети прятались за материнские юбки, а суровые на вид мужчины оценивали ее взглядом.

Шепотки сыпались со всех сторон.

— Еще одна бродяжка?

— Киран поймал ее у Серебряного ручья.

— Выглядит так, будто ее сейчас сдует ветром.

— Ты видел глаза Крога? Это она сделала.

Киран игнорировал их всех, направляясь к главному донжону*, грозному сооружению из темного дерева и серого

камня, которое говорило больше о защите, чем о красоте. Два стража у тяжелой дубовой двери почтительно кивнули ему и без слов распахнули ее.

Внутри было сумрачно, прохладно и пахло дровяным дымом, выделанными шкурами. Главный зал был огромен, с высоким потолком, подпертым массивными балками. Гобелены с изображениями волков, лун и битв украшали стены. На дальнем конце, на приподнятом возвышении, сидел человек в резном кресле, которое не было троном, но явно было местом власти.

Альфа Роуэн Блэкторн был не таким, как она ожидала. Он не был гигантским, ревущим зверем. Он был широкоплеч и поджар, внимательно и сосредоточенно смотрел на нее, что пугало куда больше, чем дикий зверь. Его темные волосы были с проседью на висках, а глаза цвета желтой луны не упускали ничего. Он изучал карту, разложенную на столе, но поднял взгляд, когда они приблизились. Его взгляд скользнул по Кирану, его воинам и наконец остановился на ней, пригвоздив к месту.

— Киран, — голос Альфы. — Докладывай.

— Альфа, — Киран слегка, почтительно склонил голову. — Мы нашли эту девушку в глухом Чернолесье. Она шла вглубь от границы. Она использовала немагические ботанические составы, чтобы вывести из строя Крога при задержании.

Брови Альфы слегка поползли вверх. Он откинулся на

спинку кресла, сложив пальцы домиком.

— Неужели? — Его пронзительные глаза вернулись к ней. — И кто ты такая, чтобы бродить по моим землям и нападать на моих воинов?

Это был тот самый момент. Представление всей ее жизни. Она заставила себя выпрямиться, встретиться с ним взглядом, хотя колени дрожали. Она сделала неуклюжий реверанс, ее мокрое платье прилипло к ногам.

— Меня зовут Кэлин Подсолнух, э-эйр, — сказала она, ее голос сначала был чуть больше шепота. Она прочистила горло, вложив в него силу. — Кэлин Подсолнух. Я... я странствующая травница. Я не хотела нарушать границы. Я... заблудилась. Они напугали меня. Я лишь хотела сбежать.

Она неопределенно махнула рукой в сторону двери, в сторону леса.

— У меня ничего нет. Я не желаю зла.

Ее внешность продавала историю лучше любых слов. Она была до боли худа, ее щеки впалые. Поношенное платье было промокшим и в грязи, и явно уже не по размеру, руки огрубевшие и исцарапанные от скитаний и побега. Она выглядела именно так, как заявляла: отчаявшейся, голодающей беженкой. За исключением одной детали.

Киран шагнул вперед, его движение было быстрым и бесшумным.

— Ее история тонка, как утренний туман, Альфа. Ее страх реален, но ее знания – это не знания простой деревенской

знахарки. Составы, которые она использовала, редки, применение точно оборонительное. Подготовленное. В ее речах нет правды.

Его черные глаза впились в нее.

— Она колеблется, называя собственное имя. — Продолжил он. — "Подсолнух". Это выдумка.

Альфа слушал, его выражение лица было нечитаемым. Он смотрел то на недоверчивое лицо Кирана, то на ее бледное, испуганное.

— Ты далеко от торговых путей, Кэлин Подсолнух, — наконец произнес он, его тон нейтрален. — Сейчас опасные времена. Незнакомцы приносят проблемы. Долг моего капитана увидеть эти проблемы до их появления. — Он сделал паузу, давая своим словам уложиться в ее голове. — Ты просишь убежища, но нападаешь на своих потенциальных защитников. Ты утверждаешь, что простая травница, но дерешься как загнанная гадюка с полной сумкой уловок. Это представляет собой... загадку.

Сердце Кэлин упало. Они не верили ей. Конечно, нет. Челюсть Кирана была сжата, на скуле играла мышца. Он хотел, чтобы ее бросили в темницу, она это чувствовала.

Альфа вздохнул.

— Однако... умелые целители стоят своего веса в золоте, особенно те, кто обладает... такими познаниями. — Его взгляд скользнул к Кирану, между ними промелькнуло безмолвное послание. — Нам нужно любое преимущество.

Твои навыки интересуют меня. Твоя история нет. Пока что.

Он поднялся, и хотя он не был невероятно высок, его присутствие заполнило залу.

— Вот мое решение. Тебе будет предоставлено временное убежище на землях клана. Ты будешь помогать нашему целителю, Галену, в его работе. Ты будешь зарабатывать на проживание своими знаниями. И, — его взгляд стал тверже, — ты будешь под надзором капитана Мунстоуна. Каждый твой шаг, каждое слово, сказанное кому-либо, каждая сорванная травинка будут замечены и доложены. Ему.

Он посмотрел прямо на Кирана.

— Ты отвечаешь за нее. Выясни, что она скрывает. Если она представляет опасность для клана, то разберись с этим. Если она покажет свою ценность... мы посмотрим, что делать с ней дальше.

Губы Кирана сжались в тонкую полоску, но он резко кивнул.

— Понял, Альфа.

Внимание Альфы вернулось к ней.

— Добро пожаловать в клан Блэквуд, Кэлин Подсолнух. Не заставь меня пожалеть о этой милости.

Она не знала, радоваться или нет. Слова альфы звучали как приговор. Оставить ее под надзором того, кто видел своими пристальными черными глазами прямо сквозь ее выдуманное имя, было сродни раскрытию ее тайны.

**Донжон – главная башня замка (в нашем случае замка*

альфы).

Глава 3

Ее новое жилище оказалось крошечной комнаткой под самой крышей замка, больше похожей на каморку для прислуги. Зато с собственным маленьким окошком, через которое был виден внутренний двор и часть леса за стеной. Эта картинка, обрамленная грубым камнем, стала ее единственной связью с свободой.

На следующее утро за ней пришли. Не Киран, к ее удивлению и смутному облегчению, а молчаливая женщина в платье цвета увядших листьев, которая жестом велела следовать за собой. Они спустились по витой каменной лестнице, прошли по длинному холодному коридору и вышли в небольшой солнечный дворик, притулившийся к одной из стен замка. Здесь воздух был другим, насыщенным десятками знакомых и незнакомых запахов: горьковатых, сладковатых, терпких, пряных.

В центре дворика, склонившись над грубой каменной ступа, стоял старик. Его спина была согнута годами, а руки, темные и узловатые, как корни старого дуба, с привычной ловкостью растирали какие-то сухие листья. Это был Гален.

Он поднял голову, когда они вошли. Его лицо было изборождено глубокими морщинами, а глаза, цвета выцветшей на солнце листвы, смотрели на Кэлин с немым, безразличным любопытством. Женщина молча кивнула и удалилась.

— Ну, — хрипло проговорил старик, вытирая руки о кожаный фартук. — Привели мне помощницу. Та, что Крога ослепила. Подсолнух, да?

— Кэлин, — тихо поправила она.

— Для меня все вы сорняки, пока не докажете обратное, — отрезал он, подходя к ней вплотную. — Капитан говорит, ты травница. Альфа приказал проверить. Так что покажешь, что умеешь. Только без твоих фокусов. Понятно?

Она кивнула. Это был не допрос, но в то же время от нее сейчас потребуют ответов. И от его результатов зависело все.

Гален повел ее по узким тропинкам между аккуратными грядками, заставленными глиняными горшками и деревянными ящиками. Он тыкал своим посохом то в одно растение, то в другое, выкрикивая названия, которые звучали грубовато и на местный лад, но она без труда узнавала их.

— Эта? Для чего?

— Зверобой, — автоматически ответила Кэлин. — Отвар для заживления ран, настойка для успокоения нервов. Но... его нужно собирать на восходе, когда роса еще не сошла, тогда сила больше.

Гален хмыкнул, не выражая ни одобрения, ни порицания, и двинулся дальше.

— А эта? Смотри, не ошибись, она ядовита.

— Болиголов, — прошептала она, инстинктивно отступая на шаг. — Сильный яд. Но... в микроскопических дозах, смешанный с экстрактом мака, может усмирить самую сильную

боль. Такую, от которой человек сходит с ума.

Старик замер и медленно повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то, кроме скепсиса. Интерес.

— Говоришь, как из книжки. Сама пробовала?

— Видела, — уклончиво ответила она, опуская взгляд.

Он водил ее больше часа, задавая каверзные вопросы, подсовывая похожие растения, спрашивая не только о применении, но и о времени сбора, о сочетаниях, о противопоказаниях. Кэлин постепенно забывала о страхе. Это был ее язык, ее мир. Она отвечала увереннее, иногда, увлекшись, жестикулировала, объясняя тонкости ферментации или различия между двумя видами мха.

Он привел ее в свою кладовую, в темную, прохладную комнату, где с потолка свисали гирлянды сушеных трав, а на полках стояли банки и склянки с мазями, настойками, порошками. Запах был ошеломляющим, густым коктейлем из памяти и знаний. Он взял с полки одну банку с мутноватой мазью, снял крышку и поднес ей.

— Нюхай. Что тут?

Кэлин закрыла глаза, вдыхая знакомый аромат. Она отделяла один компонент за другим, как опытный музыкант отличает ноты в аккорде.

— Окопник, календула... пчелиный воск, масло сосновой хвои... и... что-то смолистое, для вязкости... возможно, сок ели?

Гален молча поставил банку на место. Его лицо было

невозмутимым. Затем он взял три почти одинаковых на вид сушеных корешка и положил перед ней на стол.

— Выбери тот, что поможет от лихорадки с кашлем.

Она даже не стала их нюхать. Легко тронула пальцем первый, потом второй, остановилась на третьем.

— Этот. По форме и цвету... это дикий имбирь. Он согреет и выгонит хворь. Первый — для желудка, второй — ядовит.

В кладовой воцарилась тишина, нарушаемая лишь жужжанием забравшейся туда мухи. Гален устало опустился на деревянную табуретку и долго смотрел на нее. Его скептицизм куда-то испарился, сменившись глубочайшей, почти настороженной задумчивостью.

— Кто ты такая, девица? — наконец спросил он, и в его голосе не было прежней колкости, лишь усталое изумление. — То, что ты знаешь... этому не учат в деревнях. Это... это дар. Чутье. Ты не учила, ты помнишь. Ты видишь самую суть растения.

Кэлин сглотнула, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Она перестаралась.

— Я... просто много странствовала и училась у разных людей, — слабо выдохнула она.

— Не ври мне, — тихо, но твердо сказал старик. — Я самый лучший целитель в пяти кланах. Я знаю пределы обычного обучения. То, что есть у тебя... это от крови. Или от чего-то еще. — Он тяжело вздохнул и поднялся. — Ладно.

Хватит испытаний.

Он повел ее обратно во двор, к Альфе и Кирану, которые ждали у входа в башню, о чем-то тихо беседуя. Киран, как всегда, стоял напряженный, словно готовый в любой момент схватить меч. Его черные глаза сразу же устремились на нее, выискивая признаки паники или лжи.

— Ну что, старик? — спросил Роуэн. — Нашла ли твоя новая помощница общий язык с корнем мандрагоры?

Гален остановился перед ними, его лицо было серьезным.

— Она не помощница, Альфа, — произнес он весомо. Киран напрягся еще сильнее, его рука непроизвольно двинулась к эфесу кинжала. — Она... мастер. Ее знания глубже моих. Гораздо глубже. — Он посмотрел прямо на Роуэна, и в его глазах читалось предостережение. — Она может спасти жизни, которые я не смогу. Или... отнять их с легкостью, о которой я и не догадываюсь. Будь осторожен.

Альфа задумчиво кивнул, впиваясь взглядом в Кэлин, которая стояла, потупив взгляд и чувствуя себя лабораторным образцом.

— Спасибо, Гален. Твое мнение для меня много значит, — сказал Роуэн. Затем он повернулся к Кирану. — Капитан. Она остается. Она будет работать с Галеном. Но твоя задача усложнилась. С этого момента ты ее тень. Ее охранник и ее надзиратель. Ты отвечаешь за каждую травинку, что попадает в ее руки, и за каждое слово, что сходит с ее уст. Ясно?

Киран бросил на Кэлин быстрый, тяжелый взгляд, полный

немой угрозы и обещания, что он во всем разберется. Затем он резко кивнул.

— Как скажешь, Альфа. Она ни на шаг не выйдет из моего поля зрения.

Кэлин почувствовала, как по телу разлилась ледяная волна. Она прошла проверку. Она была полезна. Но теперь она была заперта в клетке еще прочнее. И ее тюремщиком стал самый опасный и проницательный зверь во всем этом логове.

Глава 4

Ее переселили из каморки под замковой крышей в маленький, приземистый домик на самом краю деревни, там, где улица уже переходила в поле, а за ним темнел край леса. Дом был сложен из грубого камня и темного бруса, крыша поросла мхом. Внутри пахло дымом, сушеными яблоками и пылью. Всего одна комната с камином, деревянной лежанкой, столом и парой табуреток. Никаких излишеств. Но здесь были дверь и замок, которые запирались изнутри. Это была не клетушка под крышей, а свой хоть и маленький дом.

Киран Мунстоун стал ее тенью, ее неотвязным, молчаливым проклятием. Он появлялся у ее порога рано утром и провожал до дверей лазарета Галена. Уходил по своим делам, пока она была занята с Галеном. Затем провожал обратно, следя, чтобы она ни с кем не говорила дольше необходимого. Он не угрожал, не кричал. Он просто был рядом, наблюдал за ней, всё пытался обличить ее, но момента она ему не предоставляла.

— Лайна, — бросал он, когда она по привычке задерживала взгляд на каком-нибудь редком растении у тропинки. — Не вздумай останавливаться.

Слово обжигало. Лайна означало «Чужачка» на языке оборотней. Посторонняя. Никчемная. Он вкладывал в него всю свою неприязнь и подозрительность.

Обращаться ко всем «Эйр» и «Эйра» было непривычно. В Драконии были сложные титулы, отражавшие статус и род занятий. Здесь же простое, грубоватое обращение, стирающее любые различия. Независимо от рода, денег, власти ко всем кроме альфы обращались эйр или эйра. Она то и дело ловила себя на том, что чуть не говорит «господин» или «мастер», и тут же спотыкалась, запиналась, вызывая насмешливые или недовольные взгляды.

— Эйр Гален, передайте, пожалуйста, кору ивы, — говорила она.

Старый целитель хмурился.

— Говори проще, девочка. Нечего тут вычурничать. Просто «эйр». Или вообще без обращений. Я и так пойму.

Но хуже всего было с ним. С Кираном.

— Эйр Мунстоун, я закончу сегодня раньше, можно я... — начинала она, стараясь быть вежливой.

— Лайна, — оборвал он ее, даже не глядя, продолжая проверять крепление упряжи на своем коне. — Тебя никто не спрашивает. Возвращайся в дом.

Как-то раз, когда она перебирала у Галена ягоды можжевельника, он вошел в кладовую и, прислонившись к косяку, спросил с деланной небрежностью:

— Скажи, лайна, а в твоих краях учат так легко отличать болиголов от дягиля? Или это такое... хобби у странствующих девиц? Чтобы, если что, быстро и без шума решить проблему с надоедливым клиентом?

Кэлин похолодела изнутри, но руки ее не дрогнули. Она продолжала отделять ягоды.

— В моих краях учат не давать яд тем, кто и так полон желчи, эйр Мунстоун. От этого он теряет во вкусе, — парировала она, сама удивившись своей дерзости.

Он фыркнул.

— Остроумие. Как же я люблю остроумие у тех, кто скрывает свое прошлое.

Он задавал каверзные вопросы.

— А далеко ли твоя деревня? Говорили, на севере слышен акцент.

— Я много лет в дороге, эйр. Акцент стирается.

— Странно. Обычно, наоборот, крепчает от тоски по дому.

— У меня нет дома, — отвечала она просто, и это была чистая правда.

По вечерам, запираясь в своем домике, она чувствовала себя абсолютно истощенной. Не от работы, а от постоянного напряжения, от необходимости контролировать каждое слово, каждый взгляд, каждую интонацию. Она училась жить по законам клана, носить грубые платья, есть простую пищу и прятать свою сущность глубоко внутри, под маской покорной и полезной травницы-чужачки.

А за дверью, в наступающих сумерках, она часто видела его темный силуэт. Он подолгу мог стоять напротив. Его чер-

ные глаза, казалось, видели ее даже сквозь плотную древесину двери. И самое ужасное было то, что понемногу она начала привыкать к его присутствию. К этому молчаливому, грубому, вечному надзирателю. И это привыкание пугало ее куда больше, чем его открытая враждебность.

Глава 5

В своем маленьком домике на окраине Кэлин ворочалась на жесткой лежанке, сжавшись в комок под тонким шерстяным одеялом. Дремота была беспокойной, тревожной и прерывистой.

Запах гари. Едкий, сладковатый, удушающий запах горящей плоти и пылающего дерева. Крики. Нечленораздельные, полные ужаса и ярости. Бег по темному лесу, колючие ветки хлещут по лицу, цепляются за платье. Голос матери, резкий и властный: «Беги, Кэлин, не оборачивайся!» Грохот. Вопль, обрывающийся на полуслове. За спиной багровая заря, освещающая верхушки деревьев. Преследователи. Тяжелое дыхание, лай собак... нет, не собак... волков. Их желтые глаза горят в темноте, уже рядом, уже догоняют...

— Нет! Мама! — ее собственный крик, хриплый и полный отчаяния, вырвал ее из кошмара.

Кэлин резко села на кровати, сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть из груди. По щекам текли горячие слезы, смешиваясь с холодным потом на лбу. Она вся дрожала, обхватив себя за плечи, пытаясь унять эту адскую дрожь. Тьма вокруг была живой, она шевелилась, дышала воспоминаниями. Она снова была там. В огне. В бегах. Одна.

Тихие, сдавленные всхлипывания вырывались наружу, сколько она ни пыталась их сдержать. Она уткнулась лицом

в колени, стараясь заглушить звук, но рыдания душили ее, выкатывались наружу, беззвучные и горькие.

***

В эту ночь дежурство по периметру деревни выпало Кирану. Для него ночь была не временем страха, а временем обостренных чувств. Он знал каждый шорох, каждый запах, каждый изгиб тени. Его волчья сущность бодрствовала, пока человеческая половина брела по спящим улицам на автомате.

Он как раз проходил мимо ее дома, замечая привычным взглядом, что дверь заперта, а в окне темно. Все как должно было быть. Он уже было сделал шаг, чтобы двинуться дальше, когда его уловил звук.

Едва слышный. Не похожий на скрип дерева или шуршание мыши в подполе. Это был тихий, прерывистый, горловой звук. Плач.

Он замер, насторожившись. Чужачка. Его первым порывом было презрительное раздражение. Ночные страхи? Тоска по дому? Слабость. Он сделал шаг к двери, чтобы грубо постучать, но рука замерла в воздухе.

Он прислушался внимательнее. Это не был плач капризного ребенка или плач от обиды. Это были глубокие, раздирающие душу всхлипы, полные такого бездонного, животного ужаса и горя, что у него внутри что-то екнуло. Это был звук, который издают, когда теряют все. Когда сгорает твой мир. Он знал этот звук. Слишком хорошо знал.

Его собственная маска цинизма и подозрительности на мгновение дала трещину. В памяти всплыли образы, которые он старательно хоронил годами: свой собственный дом, охваченный пламенем, крики, которые он не мог забыть, и то самое чувство полнейшей, всепоглощающей потери.

Его рука медленно опустилась. Он не стал стучать. Он просто стоял в холодной ночной темноте, по ту сторону двери, слушая, как плачет эта странная, тощая, лживая девчонка с глазами цвета летнего неба и руками, знающими смерть и жизнь в равной мере.

Он простоял так несколько долгих минут, молчаливый свидетель ее немого горя. А потом, так же тихо, как и пришел, развернулся и ушел, продолжая обход. Но его шаги были уже не такими уверенными, а в голове, вместо привычных подозрений, крутился один навязчивый вопрос: Что же такое с тобой случилось, лайна? Что за кошмары гонят тебя по ночам?

А за дверью Кэлин, изможденная слезами, наконец снова погрузилась в беспокойный сон, так и не узнав, что в эту ночь ее самый страшный кошмар был услышан тем, кого она боялась больше всех на свете.

Глава 6

Спокойствие в деревне клана Черных Волков было обманчивым. Сначала одна мать в панике прибежала к Галену с плачущим младенцем на руках. Потом другая. К полудню у дверей лазарета столпилась целая толпа перепуганных женщин с детьми, у которых были жар, рвота и все признаки жестокого желудочного недуга.

Гален хлопотал как мог. Его обычно невозмутимое лицо было осунувшимся и серьезным. Он раздавал стандартные желудочные сборы, успокаивал родителей, но дети не выздоравливали. Болезнь, судя по всему, была какой-то новой, стойкой, и обычные методы не работали. В воздухе витала паника, густая и липкая, как дым. Слышны были приглушенные рыдания и испуганные шепотки.

Киран, стоявший у входа, наблюдал за происходящим с мрачным видом. Его обязанность была поддерживать порядок, но против болезни он был бессилен. Его черные глаза метались от бледного лица Галена к испуганным лицам матерей, и в них читалось беспокойство за свой народ.

Кэлин, тихо перебирающая травы в углу, вся замерла. Она знала этот запах, специфический, кисловатый запах испуганного пота и детской болезни. Она видела эти симптомы. В приграничных деревнях такая напасть иногда приходила с испорченными продуктами или плохой водой. И она знала,

что Гален лечит стандартно, а эта зараза требовала другого подхода.

Сердце ее бешено колотилось. Вмешаться? Это значит привлечь к себе еще больше внимания, выставить напоказ знания, которые явно выходили за рамки простой травницы. Рисковать? Или сидеть сложа руки и смотреть, как страдают дети?

Она встретилась взглядом с Кираном. Его взгляд был тяжелым, вопрошающим: Ну? Ты ведь можешь что-то сделать, чужачка?

Этот взгляд стал последней каплей. Она резко встала, отложив в сторону пучок сушеного чабреца.

— Эйр Гален, — ее голос прозвучал громче и увереннее, чем она чувствовала себя внутри. — Позвольте мне. Я... я видела подобное раньше.

Старый целитель обернулся к ней. Усталость и отчаяние в его глазах сменились на мгновение удивлением, а затем скепсисом.

— Что ты можешь знать, девица? Я уже все перепробовал!

— Не это, — настаивала она, уже подходя к полкам с ингредиентами. Ее глаза быстро пробегали по банкам и склянкам. Ее руки, обычно такие осторожные, двигались с новой целью. — Им нужен не просто успокаивающий отвар. Им нужно что-то, что убьет заразу внутри и остановит потерю жидкости. Здесь... корень аира, кора дуба... нет, слишком терпко для детей... мята перечная, ромашка... и... — ее

взгляд упал на небольшую, редко используемую банку с темными ягодами. — ... ягоды черники. Сухие. Они свяжут.

Она принялась быстро отмерять ингредиенты, дробя корни в ступе, ее движения были быстрыми и точными, почти магическими в своей уверенности. Гален смотрел, раскрыв рот, постепенно понимая логику ее действий.

— Но... черника... я никогда не использовал ее в острых случаях...

— Нужно сильно концентрированный отвар, — не отрываясь от работы, пояснила Кэлин. — И выпаивать по ложке каждые полчаса. Они будут плеваться, но нужно заставлять.

Киран наблюдал за ней, не сводя с нее глаз. Его подозрительность никуда не делась, но теперь она была замешана на откровенном изумлении. Он видел, как исчезла робкая «лайна» и появился кто-то другой, собранный, знающий, авторитетный.

Вскоре по лазарету поплыл терпкий, вяжущий запах готовящегося отвара. Кэлин, не дожидаясь разрешения, взяла на себя руководство. Она раздавала матерям глиняные кружки с теплым питьем, показывала, как поить детей, успокаивала их тихими, но твердыми словами.

Прошло несколько напряженных часов. Кэлин не садилась ни на минуту, переходя от одного маленького пациента к другому, проверяя температуру, поправляя одеяла. Она забыла о Киране, о своем статусе здесь, о страхе. Была только работа и желание помочь.

И свершилось чудо. К вечеру у самого младшего из заболевших, того самого младенца, с которого все началось, спала температура, и он смог уснуть спокойным, не мучительным сном. Затем еще один ребенок, и еще. Рвота прекратилась. Крики и плач сменились усталым всхлипыванием и тихим бормотанием.

Напряжение в лазарете сменилось облегченной, изможденной тишиной. Матери смотрели на Кэлин с новым выражением на лицах, с благодарностью, граничащей с благоговением.

Одна из женщин, с лицом, мокрым от слез, подошла к ней и, не говоря ни слова, крепко обняла.

— Спасибо тебе, эйра, — прошептала она. — Спасибо.

Слово «эйра» прозвучало не как формальность, а как настоящее, прочувствованное обращение. Уважительное.

Кэлин замерла, чувствуя, как по ее щекам катятся предательские слезы. Она просто кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Гален подошел к ней, его старческое лицо было серьезным. Он молча взял ее руку.

— Хорошая работа, девица, — хрипло сказал он. — Очень хорошая работа.

В этот момент Кэлин почувствовала на себе тяжелый, пристальный взгляд. Она обернулась. Киран все так же стоял у двери, прислонившись к косяку. Его руки были скрещены на груди, но напряжение в них ушло. Его черные глаза

больше не сверлили ее подозрением. В них читалось сложное, незнакомое выражение — уважение? Недоумение? Он медленно, почти незаметно кивнул ей, всего один раз, и отвернулся, чтобы скрыть свое лицо.

Глава 7

Слава о том, как новая травница справилась с болезнью детей, разнеслась по деревне быстрее весеннего ветра. К Кэлин теперь относились не с откровенной неприязнью, а с осторожным любопытством, смешанным с уважением. Матери, встречая ее, кивали с легкой, одобрительной улыбкой. Но самым неожиданным последствием стало внимание со стороны самой луны альфы, Селены.

Она появилась у лазарета Галена в один из тихих, солнечных дней. Высокая, статная, с волосами цвета темного меда, уложенными в сложную, но элегантную прическу, и глазами теплого, как янтарь, оттенка. Она не была похожа на других женщин клана, в ее осанке, в плавности движений чувствовалась врожденная грация и спокойная сила. Она несла корзину с чистыми бинтами, предлог, чтобы зайти.

Киран, завидев ее, выпрямился и почтительно склонил голову.

— Луна.

— Капитан Мунстоун, — ее голос был низким и мелодичным. — Я слышала, у нас появился новый талант. Пришла посмотреть и поблагодарить.

Ее взгляд нашел Кэлин, которая замерла у полок с травами, не зная, как себя вести. Селена подошла к ней, и от нее пахло сушеными цветами и медом.

— Так вот она, наша спасительница, — улыбнулась Селена, и улыбка эта была искренней и теплой. — Мне рассказывали о твоем мастерстве. От имени всех матерей клана благодарю тебя, эйра Кэлин.

— Я... я просто делала, что должна, эйра, — смущенно пробормотала Кэлин, опуская глаза и делая неуклюжий реверанс.

— О, пожалуйста, без церемоний, — мягко остановила ее Селена. — Здесь, среди трав и зелий, мы все равны. Мне сказали, ты обладаешь необычайными знаниями. Я сама увлекаюсь садоводством, но мои познания... куда более скромные.

Она подошла к столу, где Кэлин раскладывала для просушки только что собранные растения, и с неподдельным интересом коснулась лепестка календулы.

— У меня есть небольшой сад при замке. Некоторые цветы никак не хотят приживаться. Может, ты подскажешь? Ты, я вижу, чувствуешь самую душу растения.

Это не выглядело допросом или проверкой, как у Кирана или даже у Галена. От Селены прозвучало как искреннее, дружеское предложение. Кэлин почувствовала, как лед вокруг ее сердца дал первую трещину.

— Я... попробую, эйра, — тихо сказала она.

С этого дня Селена стала частой гостьей в лазарете. Она приходила под предлогом то помочь, то узнать что-то новое. Их разговоры всегда начинались с трав и цветов. Селена по-

казывала Кэлин засушенные образцы из своего сада, та робко, а потом все увереннее давала советы по почве, поливу, соседству растений.

Но постепенно разговоры становились глубже. Селена, обладая тонкой интуицией, чувствовала глубокую печаль, спрятанную за знаниями Кэлин. Она не задавала прямых вопросов, но говорила о своем детстве, о трудностях жизни луны, о том, как иногда бывает одиноко, даже в окружении клана.

— Растения – прекрасные слушатели, не правда ли? — как-то раз заметила она, наблюдая, как Кэлин нежно поправляет веточку мяты. — Им можно рассказать все, и они никогда не осудят и не предадут.

Кэлин лишь кивнула, чувствуя ком в горле. Она понимала, что Селена видит ее тоску. И вместо того чтобы испугаться этого, луна альфы отвечала тихой, ненавязчивой эмпатией.

Как-то раз, когда Кэлин упомянула, что любит запах лаванды, так как он напоминает ей о спокойствии, Селена на следующий день принесла ей маленький, изящно сшитый льняной мешочек, наполненный сушеной лавандой.

— Чтобы лучше спалось, — просто сказала она, и в ее глазах не было ни капли жалости, только понимание.

Киран наблюдал за этим странным союзом со своей обычной настороженностью, но даже он не смел перечить луне. Он видел, как напряжение в плечах чужачки постепенно спа-

дает, когда рядом с ней была Селена. Как иногда на ее губах появлялась робкая, почти неуловимая улыбка.

Однажды вечером, за ужином с мужем, Селена положила свою руку на руку альфы.

— Роуэн, насчет девушки Кэлин...

Альфа нахмурился, откладывая нож.

— Что насчет нее? Киран докладывает, что она все еще скрывает что-то.

— Все мы что-то скрываем, — мягко парировала Селена. — Но посмотри на ее дела. Она исцеляет. Она помогает. Она спасла наших детей. Гален поет ей дифирамбы. Я говорю с ней... в ней нет зла. Только боль и страх. Она нуждается в защите, а не в надзоре.

Роуэн внимательно посмотрел на жену. Он доверял ее интуиции безоговорочно.

— Ты просишь смягчить условия?

— Я прошу дать ей шанс, — поправила его Селена. — Шанс стать своей в клане. Не дай подозрениям Кирана, какими бы обоснованными они ни были, ослепить нас. Иногда самое сильное лекарство это доверие.

Альфа задумался.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Пусть остается под наблюдением Кирана. Но... скажи ей, что она может приходить в твой сад. Когда захочет.

Селена улыбнулась, и ее глаза засияли теплым светом.

— Спасибо, мой альфа.

Она не стала рассказывать Кэлин о своем разговоре с альфой. Она просто на следующее утро сказала:

— Кэлин, мне нужна помощь с розами у восточной стены замка. Они совсем загрустили. Ты не могла бы приходить иногда и подсказывать мне? Мой сад всегда открыт для тебя.

Кэлин поняла. Это было не просто приглашение в сад. Это было предложение дружбы. И защита, тихая, но надежная, самой влиятельной женщины в клане. У нее наконец-то появился союзник. И это было почти так же ценно, как возможность дышать без постоянной оглядки на тень с черными глазами.

Глава 8

Гален нашел Кэлин на рассвете, когда она развешивала на солнце мокрые после стирки бинты. Его лицо было озабоченным.

— Коренья закончились, — без предисловий бросил он, потирая переносицу. — Те, что нужны для укрепляющей мази для старейшин. А без них это просто жир с травами, толку ноль. Растут они только в Ущелье Каменного Лица, в предгорьях.

Кэлин кивнула, уже понимая, к чему он ведет. Ущелье было известно не только редкими растениями, но и крутыми склонами, а также шаткими карнизами.

— Я могу сходить, эйр Гален. Укажите путь...

— Одна? — фыркнул старик. — Никогда. Там тропа опасная, да и дикие звери... Нет. Пойдешь не одна.

Появился он, как будто ждал своего выхода. Киран Мунстоун вышел из-за угла лазарета, его лицо было невозмутимым, но в уголках губ таилось явное неудовольствие.

— Капитан, — кивнул Гален. — Нужно сходить в ущелье. Без кореньев моя мазь пустая трата времени. Девочка знает, что искать. Сводишь ее, присмотришь.

Киран бросил на Кэлин короткий, тяжелый взгляд.

— Это пустая трата моего времени, старик. У меня тренировки стражи, патрули и...

— А у старейшин ноют кости, и им плевать на твои патрули, — отрезал Гален. — Приказ альфы обеспечивать ей доступ к нужным травам. Вот и обеспечивай. Или хочешь, чтобы я сам с ней пошел? — он ехидно крякнул, многозначительно глядя на свою хромую ногу.

Киран стиснул зубы. Спорить с Галеном было бесполезно, особенно когда тот ссылался на благо клана.

— Хорошо, — сквозь зубы процедил он. — Но только за кореньями. Туда и обратно. Без задержек. И если, лайна, попробуешь убежать... — он не договорил, но смысл был ясен.

Через час они уже шли по узкой тропе, уходящей в предгорья. Киран шел впереди, она ощущала его напряжение и недовольство почти физически. Кэлин шла на почтительном расстоянии сзади, с холщовой сумкой через плечо.

— Ускоряйся, — бросал он через плечо, не оборачиваясь. — Мы не на прогулке.

— Я... я стараюсь, эйр Мунстоун, — отвечала она, спотыкаясь о крупные корни деревьев.

— Удивительно, — язвительно заметил он. — В лазарете такая ловкая, а здесь едва ноги переставляешь. Или это только с ядами и перцем ты уверена в своих движениях?

Кэлин стиснула зубы, не отвечая. Она сосредоточилась на пути, запоминая повороты, приметные деревья. Старые привычки умирают с трудом.

Они шли молча, лишь изредка обмениваясь колкостями. Он критиковал ее медлительность, она, набравшись смело-

сти, однажды указала, что он стаптывает листья полезного растения своими грубыми сапогами. Он в ответ лишь хмыкнул.

Наконец они достигли ущелья. Высокие каменные стены, поросшие мхом, узкая полоска неба над головой. Здесь царила прохладная, влажная тишина, нарушаемая лишь шумом ручья где-то внизу.

— Ну? — Киран прислонился к скале, скрестив руки на груди. — Где твои коренья, знаток?

Кэлин, игнорируя его тон, принялась внимательно осматривать склоны. Ее глаза выискивали знакомую форму листьев, оттенок стебля.

— Вон там, — указала она на узкий карниз на высоте примерно двух человеческих ростов. — Видите? Серебристые листья, у основания красные прожилки. Это они.

Киран мрачно посмотрел на карниз.

— Отлично. Полезешь.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Я?

— А кто же еще? Я здесь за твоим присмотром, а не за лазаньем по скалам.

Она вздохнула, сняла сумку и, отыскав опоры для рук и ног, начала осторожно карабкаться. Камни были мокрыми и скользкими. Она сосредоточилась, двигаясь медленно и точно, как учили в детстве... Она поймала себя на этой мысли и чуть не оступилась.

Снизу за ней внимательно следили. Киран наблюдал не только за тем, чтобы она не сбежала, но и за ее движениями. Они были слишком уверенными для простой деревенской девчонки. Слишком... тренированными.

Она добралась до кореньев, осторожно выкопала несколько штук ножом, сложила в сумку и начала спускаться. И в этот момент раздался низкий, угрожающий грохот.

Небольшой камнепад. Не мощный, но достаточный. Несколько камней, от маленьких до размером с голову, сорвались с верхушки утеса и покатились вниз прямо на нее.

Кэлин вскрикнула, прижавшись к скале, зажмурившись. Она ждала удара.

Но вместо него послышался резкий окрик, рык, быстрые шаги, и чьи-то сильные руки резко рванули ее с уступа. Они оба, сцепившись, кубарем скатились вниз, на мягкую подстилку из мха и прошлогодних листьев, прямо в неглубокий ручей.

Ледяная вода обожгла кожу. Кэлин отчаянно пыталась отдышаться, чувствуя, как что-то тяжелое придавило ее. Это был Киран. Он прикрыл ее своим телом от падающих камней. Один из них угодил ему в плечо, она услышала его сдавленный стон.

Через мгновение все стихло. Было слышно только их учащенное дыхание и журчание воды.

Кэлин открыла глаза. Его лицо было совсем близко. Его черные глаза, широко раскрытые, смотрели на нее не с по-

дозрением или злостью, а с диким, животным адреналином. Он все еще держал ее, его пальцы впились ей в предплечья. Она чувствовала каждую мышцу его тела, каждое биение его сердца, совпадающее с ее собственным.

Он первый опомнился. Его взгляд снова стал жестким, но в нем уже не было прежней уверенности. Он резко отстранился, поднялся, отряхиваясь. Вода стекала с его куртки. Он потер плечо с мрачным видом.

— Жива? — бросил он хрипло, не глядя на нее.

— Да... — прошептала она, с трудом поднимаясь. Ее руки дрожали. — Вы... вы ранены?

— Пустяки, — отмахнулся он, но по тому, как он двинул плечом, было видно, что не пустяки. Он посмотрел наверх, на осыпь. — Собирай свою добычу и пошли. Это место нестабильное.

Она молча подобрала рассыпавшиеся коренья, сложила их в сумку. Они двинулись в обратный путь. Молчание между ними теперь было другим. Напряженное, но лишенное прежней язвительности. Оно было наполнено невысказанным: он не ожидал, что бросится ее спасать. Она не ожидала, что он это сделает.

Они не обменялись ни словом до самой деревни. Но когда они подошли к ее дому, Киран, прежде чем развернуться и уйти, коротко бросил:

— Завтра принеси Галену что-нибудь от ушибов. Для плеча.

И ушел, не дожидаясь ответа.

Глава 9

На следующее утро Кэлин проснулась с странным чувством. Воспоминание о вчерашнем дне было ярким и тревожным: холодная вода, грохот камней, его тело, прикрывающее ее, и его черные глаза, полные чего-то кроме подозрения. И его просьба. «Принеси Галену что-нибудь от ушибов. Для плеча».

Это не было приказом. Это было... больше просьбой? Нет, слишком громкое слово. Скорее, молчаливым признанием того, что ее навыки могут быть ему полезны лично. И для Кирана Мунстоуна даже такое признание было огромным шагом.

Она не стала дожидаться, пока он придет за ней. Приготовила мазь, что когда-то хвалил Гален, на основе окопника и арники, с добавлением нескольких капель эфирного масла сосны для согревающего эффекта. Аккуратно упаковала ее в маленькую глиняную баночку и, сделав глубокий вдох, вышла из дома.

Она знала, где его искать. На тренировочном плацу, что был разбит рядом с казармами стражи. Так оно и было. Даже с травмированным плечом он не позволил бы себе расслабиться. Он стоял посреди площадки, отдавая распоряжения группе молодых оборотней, отрабатывающих приемы с мечами. Его лицо было привычно суровым, но внимательно

ный взгляд мог бы заметить, что он чуть щадит правое плечо, движения его со стороны травмы чуть более скованные.

Кэлин подождала в стороне, пока он не закончил наставления и не отпустил бойцов на короткий отдых. Затем, сжав баночку в руке, она сделала шаг вперед.

— Эйр Мунстоун.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по ней, затем упал на баночку в ее руках. На его лице не отразилось ничего.

— Лайна. Чего надо?

— Вы... просили принести мазь для плеча, — она протянула ему баночку. — Это на основе окопника. Она снимет воспаление и ускорит заживление. Ее нужно втирать два раза в день.

Он медленно взял баночку, повертел в руках, словно проверяя на вес, потом снял крышку и понюхал. Терпкий, травяной аромат ударил в нос.

— Гален делал? — спросил он, и в его голосе снова зазвучал знакомый, испытующий оттенок.

— Нет, — честно ответила Кэлин, глядя ему прямо в глаза. — Я. По рецепту, который он одобрил.

Он молча смотрел на нее несколько секунд, и она видела, как в его голове идут расчеты: принять помощь от потенциальной угрозы? Показать слабость? Или... использовать ситуацию?

— Ладно, — неожиданно коротко кивнул он и... повернулся к ней спиной, стягивая верх одежды, оставшись в тон-

кой нижней рубахе. — Наноси.

Это было совершенно неожиданно. Кэлин замерла на месте.

— Я?.. — растерянно пролепетала она.

— Ты, — не оборачиваясь, подтвердил он. — Ты же целительница, нет? Или только яды готовить умеешь? — в его голосе вновь прозвучала привычная колкость, но на этот раз она показалась ей почти... ритуальной, для проформы.

Она медленно подошла. Он был высоким, и ей пришлось встать на цыпочки. Она зачерпнула немного мази и осторожно, почти боясь прикоснуться, нанесла ее на его плечо, отодвигая край рубашки. Под пальцами она почувствовала напряженные, словно каменные, мышцы и явственный, горячий отек.

— Рубаху придется снять, эйр, — тихо сказала она. — Иначе толку не будет.

Он, не говоря ни слова, ловким движением здоровой руки стянул рубаху через голову, скомкал и бросил на ближайшую скамью. Кэлин невольно задержала дыхание. Его спина и плечи были покрыты паутиной старых шрамов, следы когтей, зубов, клинков. История боев и боли была высечена на его коже. А прямо на плече красовался свежий, зловещего вида синяк с багровым центром.

Она принялась за работу, стараясь дышать ровно и сосредоточиться на задаче. Ее пальцы, обычно такие уверенные с травами, слегка дрожали, когда она втирала мазь в его горя-

чую кожу. Она чувствовала, как он вздрагивает от прикосновения, но не отстраняется.

— Вы... могли серьезно пострадать вчера, — тихо проговорила она, не в силах его больше выдерживать.

— Моя работа – защищать клан, — последовал немедленный, жесткий ответ. — Даже от падающих камней. И особенно от подозрительных незнакомок.

— Я не хотела, чтобы вас ранили из-за меня.

— Мало ли чего ты там хотела или не хотела, — он резко обернулся, и она отпрянула, испуганно убрав руки. Его черные глаза прищурены. — Твои действия имеют последствия, лайна. Всегда. Запомни это.

Он взял с скамьи рубаху и натянул ее на себя.

— За мазь спасибо.

Он произнес это последнее слово с таким трудом, будто оно было отлито из свинца и резало ему горло. Но он его произнес. И, кивнув ей на прощание, повернулся и пошел к своим бойцам, которые старательно делали вид, что не подглядывали.

Кэлин стояла на месте, все еще чувствуя на кончиках пальцев тепло его кожи и запах мази, смешанный с его собственным запахом. Он снова назвал ее «лайной». Но в этот раз это слово почему-то прозвучало не как оскорбление, а почти как... определение ее статуса. Чужая. Но чужая, которая может быть полезной. Которая, возможно, даже заслужила скупое «спасибо».

Глава 10

Тишину в лазарете разорвал отчаянный, предсмертный волчий вой. Не человеческий крик, а именно вой — полный боли, ярости и животного ужаса. Кэлин выронила связку сушеного чабреца, сердце ушло в пятки от этого звука. Она узнала этот голос, даже искаженный нечеловеческой мукой. Киран.

Дверь с грохотом распахнулась. В проеме, залитые потом и кровью, стояли два оборотня из патруля. Они почти на руках внесли своего капитана. Лицо Кирана было мертвенно-бледным, губы посинели. Его могучая грудь была рассечена глубоким рубящим ударом от ключицы до самого низа ребер. Но страшнее была рана была не глубина, а цвет ее краев, они были неестественного, зловещего фиолетово-черного оттенка, и от них исходил сладковатый, гнилостный запах.

— Засада... Шериданцы... — хрипел один из воинов, опуская своего командира на свободную койку. — Клинок был отравлен. Он... прикрыл отход… для нас

Гален, побледнев, уже суетился вокруг Кирана. Он промывал рану, прикладывал стандартные противоядия, толченый уголь, специальные глиняные примочки. Но чернота лишь расползалась дальше, пожирая плоть. Раненая плоть не стягивалась, не заживала с привычной для оборотня скоростью, яд подавлял их природный дар регенерации.

— Ничего не помогает... — прошептал старый целитель, и в его голосе впервые зазвучала настоящая, старческая беспомощность. — Этот яд... я не знаю его. Он не здешний. Колдовской, что ли...

Киран застонал, его тело выгнулось в мучительной судороге. Его взгляд, мутный от боли, метнулся по комнате и на секунду зацепился за Кэлин. В его глазах не было требования, не было подозрения. Была лишь агония. И доверие? Нет, не может быть. Просто последняя надежда утопающего.

— Держи его! — скомандовал Гален помощникам, но было ясно, он проигрывает битву.

Кэлин стояла как вкопанная, леденящий ужас сковывал ее ноги. Она знала этот запах. Это был «Кошачий смех» — изощренный яд, который использовали охотники на ведьм в Драконии для поимки особо опасных магов-оборотней. Он парализовал их силу, медленно и мучительно выжигая ее изнутри. Его рецепт был тайной, известной лишь нескольким семьям... включая род Ниам.

Перед ней стоял выбор. Четкий и безжалостный.

Первый путь: молчать. Позволить яду сделать свое дело. Киран умрет. Умрет ее главный надзиратель, ее мучитель, тот, кто видел в ней только угрозу. Исчезнет самая большая опасность для ее секрета. Она будет в безопасности. На какое-то время.

Второй путь: вмешаться. Использовать знание, которое однозначно выдаст в ней не просто травницу. Спасти его. И

подписать себе возможно смертный приговор.

Она посмотрела на его искаженное болью лицо. Вспомнила, как он, стиснув зубы, бросился на нее под камнепад. Как он сказал ей «спасибо» сквозь зубы. Как его черные глаза теряли свою суровость на мгновение, когда он не знал, что она видит.

Ненависть и страх боролись в ней с чем-то другим. С благодарностью? С долгом? С тем странным, зарождающимся чувством, которое она боялась назвать даже про себя.

— Все... Выйдите! — ее собственный голос прозвучал незнакомо, властно и резко, прорываясь сквозь шум.

Все замерли, уставившись на нее. Даже Гален.

— Что?.. — не понял старик.

— Все, кроме Галена! — повторила она, и в голосе ее зазвучали стальные нотки, которых никто никогда не слышал. Она шагнула к ране, отстранив помощника. — Этот яд не поддается обычным средствам. Я знаю, как его нейтрализовать. Но мне нужна тишина и концентрация. Или он умрет.

Ее последние слова повисли в воздухе. Воины смотрели на Галена. Тот, потрясенный, несколько секунд смотрел на Кэлин, на ее горящие решимостью голубые глаза, потом на угасающего Кирана. И кивнул.

— Делайте, как говорит эйра. Все вон!

Когда дверь закрылась за последним воином, Кэлин обернулась к Галену.

— Мне нужен свежий корень кровохлебки, экстракт рас-

торопши, ну и... — она замялась, произнося последний ингредиент, — ... пыльца серебряной полыни. Она должна быть у вас. Ее используют при сложных родах.

Гален вздрогнул.

— Пыльца серебряной полыни... но она... в высоких дозах...

— Я знаю! — оборвала его Кэлин. — Это антидот. Доверьтесь мне!

Она больше не могла прятаться. Она действовала на несознательно, как когда-то в детстве, помогая матери. Ее руки сами находили нужные склянки, отмеряли, смешивали. Она растолкла в ступке корень кровохлебки, добавила несколько капель экстракта, а затем, с замиранием сердца, достала крошечный пузырек с мерцающей серебристой пыльцой — последний, запретный ингредиент, знание о котором могло стоить ей жизни.

Она приготовила густую, темную пасту и, не колеблясь, густо нанесла ее на ужасную рану. Плоть Кирана затрещала. Раздалось слабое шипение, и в воздухе поплыл горький миндальный запах, признак того, что яд нейтрализуется. Киран застонал, тихо, хрипло, уже почти без сил. Кэлин прошептала заклинание, усиливающее действие пыльцы. Чернота медленно, словно нехотя, стала отступать от краев раны, уступая место здоровому, хоть и изуродованному мясу.

Гален наблюдал, завороженный и напуганный. Он видел, как работает знание, выходящее далеко за рамки его соб-

ственного. Он видел уверенность в ее движениях, которую не дают годы практики, ее дарила кровь.

Через несколько минут худшее было позади. Рана все еще выглядела ужасающе, но яд был побежден. Тело Кирана обмякло, он погрузился в глубокий, исцеляющий сон оборотня, его дыхание выровнялось.

В лазарете воцарилась тишина. Кэлин отшатнулась от койки, ее руки дрожали. Она только что совершила самоубийственный поступок. Она посмотрела на Галена. Старик смотрел на нее не с благодарностью, а с леденящим душу ужасом и пониманием.

— Кто ты, дитя? — прошептал он. — Это знание... оно из иного мира. Ты... ведьма?

Кэлин не ответила. Она лишь обхватила себя за плечи, чувствуя, как ее тайна, ее защитная скорлупа, треснула и рассыпалась в прах. Она спасла жизнь Киран Мунстоуна. И, возможно, подписала себе смертный приговор. И самое страшное было то, что глядя на его спокойное, уснувшее лицо, она не была уверена, что не пожалеет о своем выборе.

Глава 11

Кризис миновал, но Гален был непреклонен: за капитаном нужен был постоянный присмотр. Яд был коварен, могли быть отложенные осложнения. И кто, как не та, что победила этот яд, должна была дежурить у его постели первую, самую т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.